

борющаяся только в области догматических, философских и религиозных воззрений.

В главе XIX, посвященной истории гонений при Диоклетиане, разбирается вопрос о взаимоотношении церкви и государства. Автор приходит к выводу, что христиане преследовались не за свои религиозные убеждения, а по политическим мотивам, как участники тайных обществ, запрещенных властью. Одним словом, замечает Бейнес, государство смотрело на них как на «большевиков», которых надо подавить.

Интересно написана глава XVIII по истории позднеклассического, или позднеантичного искусства. Наряду с историей стилей в главе можно найти подробное описание построек, в частности построек Диоклетиана, «одержимого манией строительства», по выражению Лактанция.

В заключение следует отметить, что последний том «Кембриджской древней истории» мобилизовал большой исторический материал. Но этот материал ждет еще своих исследователей, вооруженных единственной научной методологией—марксистско-ленинской материалистической диалектикой.

Т. Шепунова

MAURICE BESNIER, L' Empire Romain de l'avènement des Sévères au concile de Nicée. Paris, 1937 («Histoire générale», publiée sous la direction de Gustave Glotz. Troisième partie. Histoire Romaine, t. IV, première partie). Paris, 1937, 409 стр.

Основная мысль работы Бенье выражена в первых строках его книги: «Правление Септимия Севера является начальной стадией той эволюции, которая завершается сто лет спустя в эпоху поздней Империи. Политический и социальный строй, которым отмечена эта эпоха, не был изобретен с начала и до конца Диоклетианом и Константином; основная часть составных его элементов существовала в зародыше уже в конце II века, и постепенное их развитие в условиях кризиса, создавшегося военной опасностью и внутренними беспорядками, представляет собою наибольший интерес в истории III века» (стр. 1). Если разобрать содержание всего труда Бенье, то можно сказать, что мысль эту удалось провести автору лишь в некоторой части: на конкретном материале, относящемся к правлению отдельных императоров, автор показал, что те черты абсолютной монархии, какие окончательно восторжествовали во времена Диоклетиана и Константина, появляются еще в конце II века и развиваются в течение следующего столетия. Мы находим у Бенье подробное изложение политических реформ Септимия Севера, направленных к созданию наследственной военной монархии, усилению императорской власти, укреплению своей династии, развитию бюрократической системы, укреплению императорского хозяйства и вместе с тем ослаблению власти сената (стр. 27—55).

В противоположность античной традиции Бенье указывает на значение отдельных мероприятий Галлиена (стр. 179 сл.), годы правления которого падают на самые тяжелые времена Римской империи. Особое внимание уделяется деятельности так называемых императоров-иллирийцев: Клавдия II, Проба и особенно Аврелиана (стр. 224—277), выступивших в качестве прямых предшественников Диоклетиана. Мысль о том, что политические реформы Диоклетиана и его преемников были подготовлены в предшествующий период, неоднократно высказывавшаяся в частных исследованиях (Платнауера, Омо, Шульца и др.) впервые, с и с т е м а т и ч е с к и проведена в работе общего характера. Политическая история, включающая рассмотрение биографических сведений об отдельных императорах, их взаимоотношений с сенатом, историю отдельных институтов и учреждений,—составляет основное содержание работы Бенье. Приводимые автором фактические сведения подтверждаются ссылкой на источники, а отдельные положения его работы—ссылками на литературу предмета.

Наиболее обстоятельно изложена эпоха Северов, а также политическая история III века. Что же касается IV века, то изложение соответствующих глав не отличается полнотой, и в трактовке различных вопросов политической истории и истории учреждений автор не использовал в достаточной степени приводимую им литературу (укажем хотя бы на изложение финансовой и военной реформы Диоклетиана, а также системы введенного им податного обложения).

В связи с политической историей излагается и история религий, которая сводится главным образом к истории христианства, точнее к истории взаимоотношений между церковью и государством в III и IV вв.; история христианских течений и внутрицерковных отношений изложена поверхностно.

Следует отметить еще, что в главах, посвященных Северу, Диоклетиану и Константину, даются сжатые очерки по истории развития права. Эти разделы отсутствуют обычно в пособиях общего характера по истории Римской империи, между тем значение их для понимания событий римской истории бесспорно. Есть упоминания и о других разделах истории культуры (литература, искусство); но исключительная краткость сведений, даваемых в соответствующих главах, вряд ли может оказать какую-либо помощь читателю.

В начале своего труда Бенье говорит о том, что основной интерес в истории III века представляет развитие политического и социального строя, и, как мы уже видели, автору удалось проследить основную линию политического развития. Но если говорить о социальной истории, то в этой части работа Бенье оставляет желать многого. Какое место занимает социальная и экономическая история во всей книге, показывает хотя бы то количество страниц, какое отводится этим вопросам: из 140 стр., посвященных Северам, обществу уделено 12 страниц (117—128), в последующем изложении 5 страниц (195—200) отведено социальному строю и экономическому упадку в 268 г. и несколько самых общих замечаний встречаем мы в последних главах работы, посвященных поздней Империи. При этом нужно отметить, что и в этих случаях главное внимание уделяется высшим сословиям—сенаторам и всадникам, о положении же населения италийских и провинциальных городов говорится только в связи с развитием муниципального строя, о положении ремесленников лишь в связи с развитием коллегий, когда же заходит речь о крестьянах, то автор как будто упоминает о них только по соображениям библиографическим, чтобы не упустить указаний на те новые папирологические и эпиграфические материалы, которые стали известны в последнее время (ср. стр. 118, 119, 197, 198). Мы не узнаем из работы о развитии колонатных отношений, хотя в распоряжении исследователя находятся юридические данные, а также некоторые эпиграфические и папирологические материалы. О рабах и вольноотпущенниках мы находим несколько мало-значущих строк в связи с изложением изменений в праве, происшедших при Северах (стр. 31). О социальных движениях III века мы находим упоминания, но нигде автор не пытается разобраться в их характере и общей направленности. Естественно, что при таком отношении к вопросам социальной истории автору не удалось проследить эволюции социальных отношений с конца II века до времен Константина. Тем более мы не найдем у него никаких выводов о тех изменениях, какие произошли в жизни отдельных групп населения в IV веке. Само собой понятно, что поверхностное отношение к вопросам социальной истории не могло не отразиться и на изложении истории политических отношений. Правда, мы находим в некоторых случаях правильные замечания о социальной опоре отдельных императоров и их социальной политике. Так, на основании анализа источников автор говорит, что основной силой Максимиана Фракийца было войско, причем среди солдат он имел недовольных (стр. 142, 143). Этим самым лишним раз подтверждается неправильность тех реакционных измышлений, которые представляли этого солдатского императора как руководителя восставших крестьян и низших слоев городского населения против господствующих классов. Но это лишь отдельные замечания. В целом же политическая история остается социально необоснованной. Если обратиться к истории экономических отношений, то следует сказать, что автор не касается даже тех проблем, какие были подняты в буржуазной историографии. Мы не найдем, например, истории провинций. Об отдельных провинциях упоминается только

в связи с изменением их административного строя. Лишь в одном месте (стр. 40) упоминается о высоком развитии африканских провинций при Септимии Севере. Роль отдельных провинций в обмене, положение тех или иных провинций, неравномерность распространения в них общего кризиса, какой переживала Римская империя в III веке—эти вопросы даже и не поставлены автором. Не рассмотрен и такой вопрос, как соотношение между денежным и натуральным хозяйством, хотя он неоднократно дебатировался в исторической литературе (ср. работы Родбертуса, Бюхера, Эд. Мейера, Допша, Миквица и др.). Автор совсем не касается дискуссии и не дает своих выводов относительно значения эдикта о ценах 301 г., изданного Диоклетианом. Бенье, неоднократно дающий сводку мнений по различным дискуссионным вопросам, не говорит о том, следует ли считать этот эдикт «административным безумием» (Моммзен) или же мероприятием, основывающимся на развитом императорском патримониальном хозяйстве (Персон, Штаде). Таким образом, работа Бенье не может нам помочь разобраться в характере кризиса III века и в тех своеобразных экономических отношениях, какие наступили, когда этот кризис был преодолен.

Перейдем к рассмотрению некоторых частных вопросов. Прежде всего, о периодизации, принятой автором, а следовательно и издателями «Всеобщей истории» Глоца. В книге берется как законченный период с 293 по 325 год—от вступления на престол Септимия Севера до Никейского собора. Периодизация эта искусственна. В самом деле, мы знаем, что 325 годом отнюдь не завершается законодательная деятельность Константина, который, как говорит и Бенье, завершил ту систему политических отношений, которая характерна для поздней Империи. Мы не найдем у Бенье указаний на эдикты, закрепощающие куриалов (316 и 325 г.), а принятая автором периодизация не позволила ему указать и на такой важный акт, как конституция 332 г. о колонах.

В смысле привлечения источников и литературы работа Бенье оставляет благоприятное впечатление. В начале каждой главы и в последующем изложении приводятся ссылки на различные издания источников и даются довольно подробные (хотя и не исчерпывающие) указания на литературу по отдельным темам. По отдельным вопросам, дебатировавшимся в историографии в последние годы, дается обзор различных теорий и взглядов. Так, сравнительно подробно разбирается вопрос об эдикте Каракаллы 212 г. в связи с изданием так наз. Гиссеновского папируса (стр. 65—72), о гонении Деция (в связи с *libelli*—стр. 160 сл.), о причинах и мотивах эдиктов Диоклетиана против христиан (стр. 318, 319) и др. Из этого перечня видно, что все это—лишь частные вопросы истории III и IV вв. Дискуссии по основным вопросам римской истории этой эпохи не уделяется должного внимания.

Это замечание относится не только к вопросам социально-экономической истории. Автор не касается и тех источниковедческих проблем, какие встают при изучении этого периода. Бенье можно упрекнуть в излишней доверчивости к источникам. Большой интерес представляет, например, вопрос о времени возникновения такого памятника, как *Scriptores Historiae Augustae*, его характере и возможности использования его как исторического источника. Как известно, этому вопросу, особенно после статей Дессау и Моммзена («Hermes», 1889 и 1890), посвящена огромная литература. Содержанию этой дискуссии автор не уделяет внимания, отношение же его самого к этому памятнику остается неопределенным. С одной стороны, он отвергает некоторые данные *Scriptores*, как апокрифические (ср. стр. 143, 158 и пр.), с другой стороны, он безоговорочно принимает ряд сомнительных сведений, как достоверные. Так например, вслед за Боргези он говорит о том, что отделение гражданской власти от военной относится еще ко времени Александра Севера (стр. 100). Но это положение основано только на той биографии, которая, по мнению большинства исследователей, является наименее надежной.

Особенную доверчивость проявляет автор к христианским памятникам. Он принимает за истину почти все данные «Истории церкви» Евсевия. Курьезом звучит то, что Бенье считает изменение политики в отношении христиан при Константине результатом чудесных знамений, видений, какие были у Константина в 310 и 312 гг. После

обстоятельного разбора вопроса о появлении этой легенды, какой дан хотя бы в работе Шварца, представляется странной попытка Бенье доказать, что среда, обстановка, верования в начале IV в. были таковы, что Константин действительно имел видения.

Самый план изложения материала можно считать систематичным, хотя далеко не выдержанным. Так, глава III носит название «Римская империя во времена Северов» и состоит из трех разделов (государство, общество, религии). Но, во-первых, эти страницы очень часто повторяют то, что говорилось при характеристике отдельных представителей дома Северов, и автор вынужден ставить в примечании: см. выше, страница такая-то; во-вторых, таких общих, систематизирующих глав мы не находим в отношении других периодов.

Работа Бенье является составной частью «Всеобщей истории» Глотца. В какой степени можно говорить о единстве этого издания? Если взять только римскую историю, то каждый том представляет собою отдельное сочинение, не связанное с предшествующими ни общей концепцией, ни планом изложения. Не будем говорить относительно общих вопросов развития римского общества. Возьмем хотя бы вопрос об отношении к античной традиции. Если в томе I Паис, хотя и отказывается от некоторых положений, сформулированных им в предшествовавших работах, все же продолжает стоять на точке зрения гиперкритики, то Бенье принимает за достоверные такие данные, которые отвергнуты исторической критикой. Или, если во второй части тома II Каркопино дает оригинальный взгляд на Юлия Цезаря и работа в некоторых отношениях является произведением полемическим, направленным прогив Эд. Мейера, Бенье почти нигде не защищает своих точек зрения. В спорных вопросах он обычно присоединяется к одному из мнений, высказанных в литературе.

Подводя итоги, мы должны сказать, что советским читателем книга Бенье может быть использована как работа сводная, дающая важные указания на литературу вопроса и систематизирующая сведения различных источников. Но читатель не найдет здесь даже попыток по-новому поставить те общие вопросы римской истории III и IV вв., какие возникают у человека, занимающегося этой эпохой.

Проф. Н. Машкин

Славянская колония VII в. в Вифинии

Ламанский в специальном исследовании «О славянах в Малой Азии, Африке и Испании» относил появление славян в Малой Азии, по крайней мере, к VII в.¹

Ламанский обратил внимание на то, что некоторые города Малой Азии имеют чисто славянские названия. Славянские наименования городов *Kios* и *Διβουσα* нельзя считать случайным явлением, так как они были расположены в тех местах, где были славянские поселения уже в VII и VIII вв.

Славянское название *Kios* Ламанский выводит из того, что жители его назывались *Kiavoí*, а в древнерусском языке обитатели Киева носили название кияне, которое происходило от слова Кий, а не Киев. Отсюда Ламанский заключил, что *Kios*—слово славянское.

У *Διβουσα*, по его мнению, как корень слова, так и окончание—славянские: Любуша, Любус.

Эти славянские наименования Ламанский указывает не в одной только Вифинии, но и в соседней Пафлагонии; там находилась местность под названием *Ζάφυρον*—по свидетельству Маркиана, *Ζάφειρα*—по Птолемию, *Ζοάφρα*—по Певтингеровой карте, *Ζάφωρα*—по Арриану, т. е. славянская Загора. Для доказательства того, что это сходство не случайно, Ламанский указывает, что в Пафлагонии жили генеты и венеты, а этим именем называли славян в Европе².

¹ Л а м а н с к и й, О славянах в Малой Азии, Африке и Испании, стр. 157.

² Там же, стр. 152—157.